

"22 июня 1941 года мы бомбили Кёнигсберг!"

16-22 июня 2005 | НК №265

Н. Черненко, 1941 год

- Да, это произошло именно 22 июня, в первый день войны, уже через 5 часов после нападения фашистской Германии на Советский Союз, - вспоминает события 64-летней давности ветеран Великой Отечественной войны Николай Черненко. - Да, наделали мы тогда шороху в восточно-прусской столице... И хотя мне лично слетать не удалось - служил я тогда простым солдатом в 103-м батальоне аэродромного обслуживания в Вентспилсе - но бомбы были моими. Я их собственноручно загружал в бомбардировщики "СБ".

"Мы знали, что начнется война"

- Вот уже полвека и в прессе, и среди историков идут споры, знал ли Сталин о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Ни тогда, ни сейчас у меня сомнений не возникает. Я все видел своими глазами. Уж не знаю, как там Сталин, но все красноармейцы у нас были убеждены в этом точно. Мы готовились к войне с Германией. А как не знать? Да и тайны из этого особо никто не делал. Еще в 1940 году армейские типографии напечатали огромным тиражом русско-немецкий разговорник для бойцов Красной Армии, куда были

включены такие разделы, как допрос вражеского военнопленного, ориентировка на чужой территории и тому подобное... А начиная с 19 июня 1941 года в 40-м авиационном полку - наш батальон его обслуживал - учебные тревоги объявлялись постоянно. Тревога, потом отбой. Проходит часа три - опять то же самое. И так несколько суток подряд. Пока не наступил вечер 21 июня.

До начала войны оставалось всего несколько часов...

"Эти турки всех одолели!"

- С 21 на 22 июня меня назначают дежурным по автопарку. И вдруг поступает команда: выделить грузовики ЗИС-5 для подвоза авиационных бомб. Я не на шутку удивился. Боевыми фугасами самолеты мы еще не снаряжали. Прежде для учебных целей пилоты пользовались цементными болванками - и на них отрабатывали приемы прицельного бомбометания. А здесь - боевые. Это что-то новенькое.

А дальше - больше. Командир полка дает указание рассредоточить бомбардировщики. Раньше "СБ" выстраивали в линейку вдоль взлетной полосы. Как на параде. А тут их развезли по периметру аэродрома и тщательно замаскировали.

В наспех открытые капониры загнали автомобили.

Когда все работы на аэродроме были закончены, я прилег и закемарил. По инструкции дежурному по парку разрешалось отдыхать несколько часов в ночное время.

- Боевая тревога! Боевая тревога! - как резаный кричит над самым ухом дневальный и трясет меня.

- Совсем ошалел?! Какая еще боевая? Может, учебная? - спросонья не врубаюсь я. Время - без четверти два...

- Приказ капитана Тешулина из строевой! Шевелись!

И тут протяжно завывла сирена, установленная на крыше соседней казармы.

"Тьфу, ты, блин, - думаю. - Это, видать, турки на южных границах катавасию затеяли. И все им нейдет".

* * *

Николай Иванович делает паузу и поясняет, что хотя все и догадывались о возможной войне с Германией, но почему-то в самые последние дни в газетах стали попадаться тревожные сообщения именно с черноморских границ. Да и политинформации с бойцами не раз проводились на эту тему. Вот и подумал: "Турки!" Хотя, может, все это было частью какой-то разведигры?

"Воздух! Немцы! Ложись!"

Потом стало необычно тихо. Перед рассветом выпала роса. Комарье, что бесчинствовало всю ночь, угомонилось. Когда звезды померкли и на востоке посветлело, в воздухе возник гул. Шел он со стороны моря. Низкий и надрывный. На комариный не похож.

На фоне светлеющего неба показались силуэты бомбардировщиков.

- Не бойсь! Наши "эс-бэшки" летят, - авторитетно заявляет подошедший с половником в руках повар.

Шофера побросали свои машины, выскочили из капониров и пялились вверх.

...Внимательно рассматриваю ровный строй приближающихся боевых машин. В летной школе нас хорошо выучили, как по контурам самолетов определять их тип, марку и государственную принадлежность. Только и успеваю подумать, что воздушные визитеры больше смахивают на немецкие "Юнкерсы-88", чем на наши "СБ". И в этот самый момент отчетливо вижу, как от первого бомбардировщика отделяются две прицельные бомбы и летят на аэродром. На размышление - доли секунды.

- Немцы! Ложись! - ору я не своим голосом и плюхаюсь в траву.

Дрогнула земля. Оглушительный взрыв. Еще один. И еще. Сквозь крики, стоны, завывания сирены слышу стрекотание пулемета. Это война!

Завтрак откладывается...

- На часах - 3.56 утра. Я запомнил это на всю жизнь. Потом почему-то официально объявят, что война началась в 4 часа утра. Для нас она началась на 4 минуты раньше...

"Хорошо еще, что самолеты успели убрать с центра аэродрома, - успеваю подумать я. - А то - кирдык! Одной бомбой всех бы и накрыло".

Наконец оживает наша ПВО. Это установленный на перевернутое колесо телеги спаренный "Максим". Из такой "зенитки" только по дирижаблям да воздушным шарам пулять.

А немцы, знай, делают свое черное дело. Прямое попадание в склад с горючим. Вспышка. Огонь. Дым. Стали рваться боеприпасы. Треск. Вой. Настоящий ад.

Между тем фашистские асы закладывают все новые и новые виражи. Видно, хотят нас с землей сравнять...

Но вот все смолкло. Стервятники, внезапно налетев, так же внезапно и скрылись. Грамотно отработали. Уничтожили все склады и хранилища. Профессионалы!

Три наших "эс-бэ" повреждены. Один сгорел дотла. И только грузовики каким-то чудом уцелели. На взлетно-посадочной полосе - огромные воронки. Да еще шальным осколком повару пятку срезало. Как бритвой. Так что с завтраком вышла задержка.

Курс - на Кёнигсберг!

- К восьми утра "взлетку" отремонтировали и эскадрилью подготовили к вылету.

И вот команда: "Пошел!"

Наблюдаем, как 9 боевых машин, одна за другой, с ревом взмывают в воздух. На борту каждой - по 500 кило фугасных бомб. Курс на Кенигсберг! Война с Германией - и ни с какими не с турками.

К десяти утра с боевого задания вернулись "СБ". Все девять. Без потерь.

- Ну, мы им и влупили! Расколошматили завод и вокзал! - делились впечатлениями пилоты. - А фрицы и опомниться не успели. Хоть и говорят, что у них под Кенигсбергом 6 аэродромов, но ни один истребитель в воздух подняться не успел. Только зенитки на обратном пути немного нас потрепали. А так ничего, обошлось...

1000 велосипедов и шифоньер

Однако лишь через 3 года 7 месяцев и 19 дней Николай Черненко вместе со своей частью пересек границу Восточной Пруссии. 11 февраля 1945 года они переправились по понтонному мосту через Неман, совершили 100-километровый марш и к исходу дня прибыли в Повунден (ныне поселок Храброво). Через несколько дней нас направили на аэродром Зеерапен (ныне поселок Люблино). Это западнее Кенигсберга. Немцев только-только выбили оттуда войска 3-го Белорусского фронта. Рядом находился военный аэродром с небольшой взлетно-посадочной полосой.

- Нам приказали приготовить все необходимое для приема наших истребителей, - рассказывает Черненко. - Немецкий поселок меня поразил. Я никогда в жизни не видел такого количества велосипедов. На железнодорожной станции их были тысячи. Видно, мирные жители побросали их, когда спасались бегством. С этой станции уходили последние поезда, убывающие в морской порт Пиллау.

Ну, понятно, мы выбрали себе лучшие из лучших велосипедов. С фарами, "бошевскими" динамками, хромированными крыльями. И уж накатались вовсю. На ночь расположились в оставленной хозяевами усадьбе. Дом целый. Все в ажуре. А мебель какая! Мне понравился стоящий в комнате шифоньер из карельской березы. Классная вещь! Я и до сих пор его вспоминаю.

"Крути педали, пока не дали!"

- Утром 19 февраля немцы пошли в контрнаступление. Наша пехота натиска не выдержала и повернула назад. Батальон аэродромного обслуживания спешно погрузил имущество на машины и покинул Зеерапен. Все понимали - никакие советские истребители здесь базироваться уже не будут. А меня оставили на аэродроме в составе спецкоманды из шести человек.

"Получен приказ, - ставил нам задачу командир стрелковой роты капитан Колесников. - До прихода противника мы должны успеть подорвать все оставленные боеприпасы и сжечь имущество. Чтобы не досталось врагу. Ясно?!"

А имущества всякого оставалось немерено. Бензин, моторное масло, парашюты, снаряжение, боеприпасы. Первым делом стали подрывать РС - реактивные снаряды. Но не успели до конца даже с этим разобраться, как со стороны поселка послышалась стрельба.

- Фрицы! - заорал я. - Вон они! Между домами бегут!

Чувствуем, попадем сейчас к ним в лапы. Времени на раздумье не оставалось. Хватаем велосипеды.

- Будем уходить через аэродром! На верхнее шоссе! - кричит Колесников. - Крути педали, пока не дали!

Бег зайца через поля

- Что есть мочи шуруем по "взлетке". Немецкие автоматчики нас засекли. И открыли огонь из шмайсеров. Но поздно. Расстояние-то уже большое. Достать нас не могут. Повезло!

Фрицы не успокаиваются. Заряжают минометы, и давай по нам лупить. Мины падают правее. Взрывы сотрясают воздух. Но нас не задевают.

- Рассредоточиться! Держитесь подальше друг от друга! - старается перекричать шум боя Колесников.
- И зигзагами давай! Зигзагами!

Это чтоб не дать противнику прицелиться как следует. Хитрая тактика. Бег зайца через поля называется...

Оказывается, по другую сторону "взлетки" в траншее залегли наши и в бинокли наблюдали за необычной картиной: шестеро велосипедистов несутся по аэродрому, а вокруг стрельба, взрывы, свист осколков.

Слава Богу, все обошлось. Мы достигли дальней границы летного поля и растворились в зарослях. К полудню благополучно догнали свою часть и все вместе вернулись в Повунден..

А потом я попал на полевой аэродром возле нынешнего поселка Пош-никен (ныне - Заливное). До Кенигсберга по прямой - 25 километров. Именно с этой позиции командование и приняло решение "утюжить" бомбардировщиками линию обороны на северных и северо-восточных подступах к городу.

Операцию готовили основательно. Личный состав нашего 169 батальона аэродромного обслуживания 8-й авиационно-технической дивизии потрудились на славу. Полтора месяца мы только и делали, что доставляли фугасные бомбы. И потом аккуратно складывали их по периметру всего аэродрома штабелями. Больше метра высотой.

Мишень для пистолета

Вначале со стороны моря послышалось легкое стрекотание авиационных моторов. Потом один за другим в предрассветном светлеющем небе появились расплывчатые силуэты самолетов. Бипланы! Они пролетели над аэродромом, заложили вираж и пошли на посадку. Сомнений никаких - наши ночные бомбардировщики По-2.

- Ух ты, "ночные ведьмы"! - воскликнул я.

- Балда! Это психическое оружие, - авторитетно заметил стоящий рядом авиационный техник.

- Почему психическое? - не понял я.

- Проверенная тактика - устрашение и выматывание противника.

- Как это? - Я никак не догонял, каким образом аэропланы эпохи гражданской войны, которым самое место в музее, могут напугать фрицев.

Оказывается, неспроста ночными эти бомбардировщики назывались - летать среди бела дня для них было равносильно самоубийству. Они моментально становились мишенью. Сбить биплан можно было даже из пистолета. А чего удивляться? Конструкция-то середины 20-х годов. Скорость - всего 100 километров час. 5-цилиндровый мотор "М-11" с воздушным охлаждением. Фюзеляж - из деревянных брусков и реек, обтянутых пропитанной лаком парусиной.

На боевое задание "ночные ведьмы" вылетали с экипажем из двух человек - командиром и штурманом. К фюзеляжу подвешивали две 100-килограммовые бомбы ФАБ-100.

Психическая атака

Об особой тактике применения самолетов По-2 под Кенигсбергом Черненко узнал чуть позже. Об этом рассказал ему один из пилотов. Бомбардировщики вылетали ночью, в кромешной темноте - надо отдать должное мастерству экипажа - и брали курс на Кенигсберг. Постепенно набирали высоту до 2 тысяч метров. Километров за 5 до цели летчик убирал газ. Двигатель работал на холостых оборотах, не производя почти никакого шума. Самолет планировал, плавно снижаясь. Над заданным квадратом сбрасывал бомбы на линию обороны противника, разворачивался, отлетал еще на пару-тройку километров и только после этого пилот давал полный газ. И так за ночь по несколько вылетов.

- Мне трудно было тогда судить, - вспоминает Николай Черненко, - но думаю, что такая тактика себя оправдывала. Обычно с задания возвращались все или почти все бипланы. Потерь немного. Полеты были столь интенсивными, что за три ночи был израсходован весь заготовленный запас бомб. Немцев такие бомбардировки сильно изматывали. Нервировали, не давали расслабиться. Лежат себе ночью в окопах, отдыхают. Полнейшая тишина. Ни воздушной тревоги, ни шума моторов. И вдруг с неба начинают сыпаться бомбы. Фрицы даже до укрытия добежать не успевали. Кто погибал, а уцелевшие жутко боялись таких налетов. Свихнуться можно! Поэтому мы и окрестили эту тактику психической атакой...

"Фрау Мария шла на базар..."

Войну Николай Черненко закончил в звании старшего сержанта, под Кенигсбергом. Демобилизовался из армии и здесь же обосновался. Устроился инструктором в отделе облуниверсалторга. Поселился в брошенном немцами особняке на улице Батальонной, 8. (Ныне переименована в улицу Отдельную, - прим. авт.) Офицеры комендатуры помогли бывшему фронтовику привести строение в порядок. Прошло время, и он познакомился с обитателями соседнего дома. Ими оказались немцы. Среди них - статная дама лет 50-55. Звали ее фрау Мария. Родом она была из Пайзе (ныне Светлый, - прим. авт.). Незадолго до начала войны она перебралась в Кенигсберг.

Н. Черненко в редакции Новых колес,
2005 год Наши самолеты бомбили этот
вокзал...

- Фрау Мария, - как-то решил поговорить с соседкой Николай Черненко, - вы помните день, когда на Кенигсберг впервые посыпались бомбы?

- Отлично помню, - ответила немка. - Это было в воскресенье, 22 июня 1941 года в 9 часов утра. Мы шли на базар. Празднично одетые, в хорошем настроении. Когда вышли на привокзальную площадь, в небе завывали самолеты, и на Гауптбанхоф посыпались бомбы. Мы еле уцелели. Для нас это был шок. Мы долго не могли прийти в себя. И, главное, не понимали, что же произошло на самом деле...

Еще мне удалось узнать, что помимо Южного железнодорожного вокзала наши бомбардировщики сбросили фугасы и на коксогазовый завод, - продолжает рассказ Николай Черненко. - В тот же день три звена "эс-бэшек" с нашего аэродрома накрыли несколько целей в Тильзите. Получается, не так уж все было плохо в первые дни войны. И мы дали, как следует, прикурить фрицам! Но почему-то об этих удивительных фактах у нас совершенно не вспоминают...

Ю. ГРОЗМАНИ,
фото из архива Н. ЧЕРНЕНКО